

Дирижеру не хватило такта

Бетховен в траковке Теодора Курентзиса

концерт классика

В Москву приехал камерный оркестр Теодора Курентзиса — Musica Aeterna Ensemble, прописанный при Новосибирском театре оперы и балета. Музыканты исполнили в театре «Школа драматического искусства» Девятую симфонию Бетховена. Музыка Бетховена в интерпретации Теодора Курентзиса не без недоумения послушал СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Девятой симфонией Бетховена молодой маэстро предыдущий раз дирижировал недавно — на празднествах в Новосибирске по случаю дня города. В том случае под его управлением были, правда, симфонический оркестр Новосибирской оперы (и «большой» состав тамошнего же хора); аудитория же, естественно, формировалась по принципу «всем вольный вход, все гости дорогие» — концерт проходил прямо на площади перед «Сибирским Колизеем», как ласково именуют местные жители циклопический оперный театр Новосибирска.

В этом же случае все было совсем, совсем иначе. В Москву вместе с дирижером прибыли именно что музыканты его камерного оркестра, ориентированного отнюдь не на массовые празднества, а на рафинированное экспериментаторство. А также хор New Siberian Singers (так явно по-экспортному назвал «Новые сибирские голоса» сам Теодор Курентзис) — тоже камерный отпрыск хора Новосибирского ГАТОиБ. С публикой дело обстояло еще занятнее. Концерт в «Школе драматического искусства» — ночной концерт, пора уже уточнить, да и закрытый — призван был анонсировать предстоящий фестиваль ACT-2005: New Russian Arts in London. Теодор Курентзис вместе со своими музыкантами должен стать одним из его учас-

Теодор Курентзис увидел в Девятой симфонии Бетховена много неожиданного ФОТО ВАЛЕРИЯ МЕЛЬНИКОВА

тников. Событие мыслилось как элегантно-светское, ожидался наплыв знаменитостей и звезд, а в результате светскость удалась, знаменитости же прибыли весьма ограниченным контингентом.

Что же до самой музыки, которая в эту ночь звучала, то впечатления оказались более чем противоречивыми. С одной стороны, публике действительно были во множестве предъявлены те самые новые мысли и свежие трактовки, которых стоило бы ожидать, — это раз. Правда, предъявлены скорее в виде зая-

вок, чем полноценных и тщательных реализаций. Инструментарий оркестрантов вовсе не претендовал на «старинность» (смычки современные, все духовые — тоже), но тем не менее музыканты, струнники прежде всего, тщательно старались играть в «аутентичной» манере, с непривычными штрихами и безвibrатным звуком — это два. Видимо, кстати сказать, таков и был расчет: показать возможность аутентичной трактовки бетховенской музыки без привязки к историческим инструментам эпохи.

И если бы музыканты потратили больше времени на репетиции, то этот расчет, возможно, оправдался бы самым эффективным образом. Но времени явно не хватило: предложенная дирижером концепция в оркестровой игре читалась «по верхкам», в массе же Musica Aeterna Ensemble удивил не то что недостаточной концептуальностью, а вовсе даже грубыми ошибками, фальшью духовых и расхождениями. А они ведь успели весьма основательно доказать, что в принципе могут играть гораздо, гораздо лучше и техничнее, причем по-

лучая от этого нескрываемое удовольствие. Здесь особенного удовольствия не ощущалось, ощущались же робость и растерянность. В сочетании с дерзкими инициативами самого дирижера в таких вещах, как темпы и акцентуация, эта растерянность оркестра производила диковатое впечатление борьбы двух волей.

Будто не замечая состояния оркестра, Теодор Курентзис злоупотреблял довольно-таки неожиданной пестротой темпов, и эти метания вызывали у музыкантов нечто вроде паники. Зву-

чение, во всяком случае, при каждом таком резком и внезапном перескоке начинало ощущаться «разваливаться», потом тоже не без паники выбиралось ближе к норме, и так до следующего внезапного замедления. Масла в огонь подливали игра литавр, подпортивших немало удачных в остальном моментов симфонии. То ли опять же с перепугу и от общей ажитации, то ли отчего-то еще, но их оглушительное звучание вместо по меньшей мере аккуратности, которую можно было бы ожидать от околоромантичного исполнения музыки великого классика, отличалось вовсе даже грубой бестактностью и отсутствием внимания к тому, что пытался делать оркестр.

Из этого малоподаatливого материала, однако, в финале соткалась картина тяжеловесного, подавляющего своей избыточностью и суховатостью величия, что в случае «Оды к радости» было, безусловно, свежо, но впрямую ей не шло. Вдобавок подкачали детали. К оркестровым огрехам добавились еще и промахи у певцов-солистов, причем прибывшие из Новосибирска Юлия Никифорова и Наталья Емельянова были куда более точны и внимательны, чем представлявшие в этом квартете московские оперные труппы Дмитрий Степанович и Николай Дорозжкин. Разочаровав этой явно сырой, хотя и интересной работой, музыканты не преминули напомнить, что способны на большее. Иначе, чем такое напоминание, сложно расценивать то обстоятельство, что после бетховенской симфонии они играли на бис — причем не что-нибудь, а первую часть (Requiem и Kyrie) моцартовского «Реквиема». Несмотря на недочеты вроде сбившейся солистки-сопрано, и оркестр, и хор выступили в этом номере уверенно, умно, собранно и филигранно.